

ЭЛЕНА ТОМСЕТТ

Проклятье рода Ротенбургов

КНИГА 1. К ЭЛИЗЕ

Элена Томсетт

**Проклятье рода Ротенбургов.
Книга 1. К Элизе**

«Издательские решения»

Томсетт Э.

Проклятье рода Ротенбургов. Книга 1. К Элизе / Э. Томсетт —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835172-3

Лиза никогда не предполагала, что ее судьбу может в одночасье изменить война. Причем, изменить так кардинально, что ей, дочери белого офицера, сироте, воспитанной в детдоме для врагов народа, удастся встретиться с членами своей семьи... и на считанные мгновенья обрести счастье. Жизнь порой преподносит неожиданные сюрпризы.

ISBN 978-5-44-835172-3

© Томсетт Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Проклятье рода Ротенбургов

Книга 1. К Элизе

Элена Томсетт

Я знаю, что моя история звучит дико. Тем не менее, это именно то, что произошло со мной. Я не считаю себя особенной, просто так получилось. В одночасье, все в моей жизни вдруг перевернулось с ног на голову. Так бывает. Особенно, когда начинается война. Только мне «повезло» больше, чем другим. Судите сами.

Фотограф Елена Томсетт

© Элена Томсетт, 2017

© Елена Томсетт, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-5172-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Все началось с того, что я умирала. Умирала в грязном бараке для военнопленных где-то на окраине Города, куда я попала чисто случайно, спасаясь от облавы немцев, которые в начале 1942 года сгребали всех подростков и молодых людей допризывного возраста с целью отправки их на работу в Третий Рейх. Естественно, мне не повезло. Я попалась. Нас, как скот, загрузили в грязные вагоны и повезли на запад. Несколько дней наш поезд медленно и уныло тащился по выжженной земле Украины, а потом, ночью, неожиданно сошел с рельсов в результате диверсии партизан. Отойдя от испуга, мальчишки и девчонки посмелее стали выпрыгивать из вагонов и бежать в лес. Я не успела опомниться, как какой-то подросток вытолкнул меня из вагона, потому что я оказалась на его пути, я кубарем полетела на насыпь, и благополучно покатила вниз по первому снегу. Остановило меня, как можно догадаться, первое на моем пути дерево. Приложившись к нему головой, я моментально отключилась и очнулась только ранним утром, одна, в подлеске, когда поезда уже и помине не было. Правду говорят, что дуракам везет. В результате моего падения с поезда я отделалась только парой царапин, а провалявшись всю ночь на земле в осеннем лесу, я даже простуды не получила. Сначала я долго плутала по лесам и дорогам, потом, после того как медленно, но неотвратимо, стала наступать русская зима, холодная и беспощадная, мне волей-неволей пришлось перебраться ближе к городу. Здесь меня и свалила болезнь. Немцы, панически боявшиеся всякой заразы, свезли нас, бездомных, всех у кого обнаружили признаки недомогания, в огромный полуразрушенный барак на окраине Города, опасаясь того, что странная болезнь может оказаться заразной и привести к эпидемии среди населения.

Каким чудом мне удалось пережить зиму, я не знаю. Ранней весной, когда скупо засветило солнце, и в проталинах показалась яркая зелень первой весенней травы, я с тупым равнодушием поняла, что умираю. Воздух был напоен дикими ароматами весны, пьянящими запахами просыпающейся природы, в то время как я лежала в бараке на сырой, промерзшей от холодов земле, прижавшись к ней щекой, и у меня не было сил даже поднять головы, чтобы оглянуться кругом и увидеть последнюю на моем девятнадцатом году жизни весну. Рядом со мной стонали оставшиеся в живых, подобно мне, подростки, оплакивающие свою несчастную молодость, молча лежали, распространяя постепенно, по мере того, как оттаивали, нестерпимую вонь, трупы, но все что я могла делать, это только думать о том, что эта пытка скоро кончится, и я наконец умру.

И вот тогда в бараке смертников появились люди. Люди в белых халатах поверх мышинного цвета мундиров. Отдавал приказы офицер. Он единственный был в полной военной униформе, с погонами, отливающими серебром. Такого же цвета были его странные холодные глаза, которыми он по очереди оглядывал умирающих или корчившихся в агонии людей. По его приказу появились носилки. Тех, кто стонал или плакал, клали на носилки и уносили в машины, звук моторов которых слышался во дворе. Трупы тоже выносили и складывали штабелями во дворе, видимо, готовя к сожжению.

Проходя мимо, офицер случайно наступил каблуком своих подкованных яловых сапог мне на пальцы, и, почувствовав неладное, с тихим восклицанием отступил в сторону. Со смелым видом брезгливости и недоверия он некоторое время разглядывал меня, а потом нагнулся ко мне и рукой в черной кожаной перчатке отвел пряди спутанных серых, потерявших цвет от грязи, волос с моего лица. Я открыла глаза и с тупым выражением уставилась на него. Офицер был относительно молод, на вид ему было лет тридцать, не больше. У него было типично немецкое лицо, со светлыми глазами и выражением неизмеримого высокомерия и самодовольства, присущего всем ограниченными военными, мнящим себя пупами мира. Но черты его лица были четкими и правильными, в глазах светился холодный ум, жестокий

и беспощадный. Он рассматривал меня брезгливо и безразлично, как насекомое. Истинный ариец, по-видимому, был уязвлен. У меня тоже были светлые, серо-голубые глаза, белая, как у фарфоровой куклы кожа, и белокурые волнистые волосы, которые даже после двухмесячного пребывания в бараке смертников сохраняли местами свой светло-русый цвет. Поэтому он заинтересовался.

– Кто она? – в следующую минуту отрывисто спросил он сопровождавшего его старосту. – Полячка? Украинка?

– Я русская, – тихо произнесла я тоже по-немецки, собрав последние силы.

На его лице промелькнуло удивленное выражение.

– Ты говоришь по-немецки? – снова быстро и отрывисто спросил он.

Не в силах больше говорить, я лишь молча кивнула головой. Я говорила не только по-немецки, но и по-английски и по-французки, мои родители были из бывших дворян, выбравших смерть на родине вместо изгнания и жизни на чужбине.

Офицер выпрямился и жестом подозвал к себе ординарца.

– Вилли, – жестко и безразлично сказал он. – Заберите ее и отвезите моей матери. Она давно мечтает иметь русскую прислугу с арийской внешностью. Позабудьте старушку.

На редкость неприятный тип, успела подумать я, проваливаясь в небытие.

Офицера звали барон Гюнтер-Себастьян фон Ротенбург. Он был обергруппенфюрером СС и первым помощником военного коменданта Города. В начале апреля 1942 г. я впервые вступила в его огромный дом на центральной улице Города, рядом со зданием бывшего Дворянского собрания, а затем Советов, где немцы разместили свою комендатуру. Покачиваясь от слабости, я буквально упала в объятия здоровой немецкой девицы-горничной, в то время как маленькая, подвижная баронесса фон Ротенбург с удивленными и в то же время обрадованными восклицаниями давала распоряжения прислуге нагреть воды, чтобы немедленно вымыть и привести меня в порядок. В то время, как меня скребли и терли, она успела сообщить мне, что любит красивых людей, независимо от их расы и национальности, и ужасно сожалеет об этой войне с русскими, которую затеяли наци. Но еще больше она огорчалась оттого, что ее сын, потомственный прусский аристократ, единственный наследник известного и благородного рода, пошел на службу Гитлеру и связался с этими новыми людьми, пришедшими к власти в Германии.

Когда меня, наконец, отмыли от полуторагодовой корки грязи и, нарядив в белую полотняную блузку, отделанную рюшами на воротнике, и темную длинную юбку, привели показать баронессе, она долго смотрела на меня с непонятым выражением на изборожденном морщинами лице, а потом медленно сказала:

– Я даже и думать не могла, что ты окажешься такой хорошенькой, детка. Словно рождественская картинка. И даже, – со странным выражением, появившимся на ее лице, добавила она дрогнувшим голосом, – ты чем-то на секунду напомнила мне мою сестричку, упокой господи ее душу!

Заметив, что я покачнулась от слабости, она тут же торопливо сказала:

– Я думаю, что сейчас прежде всего необходимо привести тебя в порядок. Ешь, пей, гуляй на свежем воздухе. Работать ты начнешь потом, когда немного оправишься. В настоящий момент толку от тебя мало.

Я подняла голову и посмотрела прямо в ее серо-голубые, искрящиеся энергией, глаза.

– А вы не боитесь, что я убегу от вас? – со свойственной мне прямолинейностью, не раз служившей мне плохую службу, спросила я, не подумав.

На лице старой баронессы заиграла улыбка.

– Ты забываешь, детка, что мой сын – почти военный комендант города, – с иронией в голосе сказала она. – Если ты убежишь, он поймает тебя и вернет назад. Но я бы предпо-

чла, чтобы такого не случилось. Ты мне нравишься, и я хотела бы, чтобы ты осталась со мной по доброй воле. Я вовсе не плохой человек, знаешь ли, – подмигнув мне, заявила она с апломбом. – И при всей своей неприступности, мой сын – тоже. Хочешь верь, хочешь не верь, у нас даже в родне были русские. Моя сестра накануне вашей революции вышла замуж за русского офицера.

– Тогда я не удивляюсь, почему вы говорите о ней в прошедшем времени, – устало сказала я.

– Твой немецкий просто великолепен! – несколько непоследовательно заметила старая баронесса, не сводя с меня внимательных глаз. – Никакого намека на акцент. Откуда это, дитя мое?

– У меня была хорошая гувернантка, – невольно усмехнувшись, ответила я, вспомнив свое детство, проведенное в детдоме для врагов народа.

– Кстати! – встрепенулась баронесса. – Я как-то забыла спросить, как тебя зовут.

Я на секунду заколебалась, потом осторожность, в течение последних пятнадцати лет вбиваемая в мою беспутную голову бабкой, взяла свое.

– Зовите меня Лизой, госпожа баронесса, – уклончиво сказала я, видя, что женщина с пониманием и насмешкой, просквозившей в ее глазах, смотрит на меня.

– Ну что ж, Лиза, так Лиза, – покладисто согласилась баронесса. – Мне всегда нравилось это имя. – Ступай отдыхать, малышка, а то тебя просто качает.

Старая баронесса оказалась очень милой и доброй женщиной. Первые недели моего пребывания в доме барона фон Ротенбурга она не обременяла меня работой. Я ела на кухне, вместе с остальной прислугой, ела восхитительный белый хлеб с маслом и даже с вареньем, ароматные супы, напоминавшие мне ранние дни моего счастливого детства, много гуляла, помогала кухарке Минни ходить за покупками на рынок, и даже заслужила ее одобрение, показав ей рецепт бабкиного соуса к рыбным блюдам.

Барон фон Ротенбург нечасто появлялся в доме, проводя все свое время на службе в комендатуре. В редкие выходные он сидел в библиотеке и, заложив на спинку низкого кожаного дивана свои длинные ноги, потягивая коньяк из пузатого хрустального бокала, читал «Галльские войны» Цезаря. Читал на латыни, как заметила я на следующий день, ставя забытую им на диване книгу назад, на ее место на полке. На следующий день книга снова была на диване.

Прибираясь в библиотеке, я снимала с полок и листала книги. Среди них было много книг на немецком, французском, итальянском, английском языках. Кто-то в этой семье определенно был полиглотом, как мой отец. На многих из книг стояла монограмма, означавшая принадлежность к личной библиотеке рода фон Ротенбургов. Точно такого же типа монограммы я видела в детстве на книгах в библиотеке моего отца. Книги на французском языке были в основном классикой: Монтень, Вольтер, Дидро, Монтескье, Лафонтен, Ронсар, Гюго, Золя, Дюма, Жорж Санд; но большую часть из них составляли любовные романы конца прошлого и начала XX века. Скорее всего, они принадлежали баронессе. Барон фон Ротенбург не выглядел человеком, который будет читать любовные романы. Из французов он, пожалуй, мог знать Вольтера и Гюго, не более. Из всех книг на итальянском я знала только «Декамерон» Боккаччо и «Божественную Комедию» Данте. В дальнем конце зала я обнаружила несколько полок, забытых английской классикой. К моему величайшему сожалению, моя любимая «Сага о Форсайтах» находилась на самой верхней полке, прямо под потолком, и достать ее без стремянки было просто невозможно. Решив запомнить ее местоположение и вернуться за книгой позже, я продолжала исследовать недра бездонной библиотеки барона, до тех пор, пока не услышала голоса, принадлежавшие барону и его матери. Продолжая беседовать, оба зашли в библиотеку, не замечая меня. Я отступила в тень полок, не зная, что делать.

Барон фон Ротенбург и старая баронесса расположились в креслах в центральной части библиотеки. Никто из них даже не повернул головы в мою сторону. Постояв немного возле полок, и окончательно убедившись, что они не могут меня видеть, я решила переждать, пока они уйдут. Если бы баронесса была одна, я бы вышла немедленно. Но с ней в зале библиотеки находился ее сын, помощник военного коменданта города, немецкий офицер, и я решила не рисковать.

Прислушавшись к их разговору, я поняла, что речь шла о нашем бараке смертников.

Барон фон Ротенбург с возмущением рассказывал матери, что военный комендант Города отдал распоряжение пострелять всех его обитателей, которых не успел вывезти барон.

– Но, Гюнтер, они же все равно ни на что не годились! – возразила старая баронесса.

– Они люди! – жестко отрубил барон фон Ротенбург. – Многие из них могли бы опраться, как, например, эта русская девочка, которую вы взяли в дом, и быть полезны Рейху. Я не удивлюсь, если подобные глупые и жестокие акции вызовут новый подъем партизанских волнений в городе.

«Может быть, он и не такой противный? – внезапно подумала я. – По крайней мере, он не садист, хотя произведение барона де Сада в его французской библиотеке имеется...»

– Партизаны! – в голосе старой баронессы прозвучал ужас. – Господи, что же такое творится в этой стране?!

Барон фон Ротенбург усмехнулся и заметил:

– Мама, мне кажется, что твой русский кузен, муж твоей сестры Каролины, учил тебя немного русской истории? Партизаны – это русская национальная традиция. Я говорил об этом в Ставке, когда речь зашла о походе на Россию, но ни отец, ни Гитлер даже не хотели меня слушать.

Со своего места между стеллажами я впервые внимательно присмотрелась к барону. Несомненно, в том, что офицер Ставки, знакомый, по его словам с самим Гитлером, оказался в нашем Городе, было нечто странное и непонятное. Да и сам барон фон Ротенбург был фигурой, по меньшей мере, одиозной. Прислушиваясь к разговору барона и его матери, я с присущей мне непоследовательностью вдруг вспомнила эпизод, о котором мне совсем недавно рассказала баронесса. Сразу после получения назначения на пост помощника военного коменданта Города, барон фон Ротенбург вызвал бурное возмущение коменданта фон Шлезвица, выпустив из отстойников комендатуры женщин и детей, заявив при этом, что не воюет с мирным населением. Кроме того, весь город с восторгом пережевывал другой одиозный поступок барона. Говорили, что он провел несколько часов, дебатировав по поводу политики и стратегии военных компаний с захваченным немцами командиром одного из местных партизанских отрядов, политпросвещенным бойцом Красной Армии. Дебаты закончились тем, что партизан получил врача и был отправлен в центральный штаб, а не расстрелян на месте.

Да, снова подумала я, в этом, определенно, была какая-то тайна. Аристократ из Берлина, опытный летчик Люфтваффе, владелец библиотеки книг на всех европейских языках, который служит в комендатуре заштатного украинского городишки, подобно нашему, это, по крайней мере, выглядит странно. Разглядывая барона из своего укрытия за стеллажами, я невольно отметила, что в его внешности было что-то от моего отца со старых фотографий, которые сохранились у моей бабки. Он был хорошо сложен, высокий, стройный, с широкими плечами и узкий в поясе, с длинными гибкими пальцами аристократа и четкими классическими чертами лица, благородство которого подчеркивал контраст между матовой бледностью кожи и темно-каштановыми, блестящими густыми волосами. Поразмыслив, я, крепя сердце, должна была признать, что он довольно привлекательный мужчина, хотя, конечно, не писанный красавец. Его главным недостатком было то, что он был гитлеровский офицер, и более того, помощник военного коменданта оккупированного гитлеровскими войсками Города. Это решало все. Он был существом из другого мира, о котором не стоило даже думать. Несомненно, такой

человек, как он, в Городе долго не задержится. Рано или поздно он вместе со старой баронессой вернется в Берлин. Кто знает, что случится к тому времени со мной. Одно я знала точно. Я хотела выжить.

Глава 2

Весна 1942 г. выдалась дружная и ранняя. К маю весь снег сошел, город расцвел сначала в нежном кружеве молодой листвы, а затем в пышной пене цветущих яблонь и каштанов, запах которых кружил голову и будоражил кровь. По вечерам, когда я была свободна от работы, я с удовольствием бродила по узким улочкам Старого города, с грустью сердечной вспоминая полузабытое красивое лицо отца с фотографии, родственники которого, кажется, были откуда-то с Украины. В глубине души я все еще лелеяла надежду отыскать в этом старинном городе своих родных. Девушка, некоторое время пристально наблюдавшая за мной в один из подобных, напоенных ностальгией вечеров, показалась мне предвестницей некоего поворота в моей судьбе. Она была довольно милая, темноволосая, с темными глазами и смуглой кожей определенно украинского по типу лица.

– Ты меня не помнишь? – неожиданно спросила она, перебежав через дорогу и остановившись передо мной.

Я покачала головой.

Она взяла меня за руку и придвинула свое лицо ближе к моему лицу, словно хотела лучше разглядеть его.

– Меня зовут Таня, – сказала она, на украинский манер немного глотая слова. – Мы вместе бежали из теплушки под Луцком. Ну что, теперь вспомнила?

В моей памяти на секунду замаячили странные картины придорожной насыпи с острыми камнями, до крови содравшими мои колени, в нос словно наяву ударил тяжелый, спертый запах пропахшего потом и кровью вагона, до отказа набитого людьми. Это было все, что я могла вспомнить. Поэтому я снова отрицательно покачала головой.

Девушка не огорчилась.

– Не помнишь? Ну и ладно. Не велика беда. Ты что здесь делаешь? Живешь? А работа у тебя есть?

– Да, – прочистив горло, сказала я, несколько ошарашенная ее напором.

– Здорово! – жизнерадостно сказала она. – Я тоже сразу же нашла работу. При немцах не так уж и плохо живется. По крайней мере, не хуже, чем при коммунистах, – легкомысленно засмеялась она. – Я работаю официанткой в офицерском казино, здесь за углом. Работа чистая и хорошо платят. Немцам нравится, когда им прислуживают красивые местные девушки, к тому же веселые и без предрассудков. Если тебе надо, я могу замолвить за тебя словечко. Старик Гецель с удовольствием возьмет тебя в казино. Ты красивая.

Ее темные глаза снова оценивающе скользнули по моему лицу.

– У меня уже есть работа, – повторила я.

– Ну и хорошо, – скажу же отступила она. – У тебя сегодня выходной, правда? Пошли со мной в казино, у меня сейчас смена начинается. Пошли-пошли, немного развлечешься, и за дружбу выпьем. Мы, девушки, должны поддерживать друг друга и держаться вместе. Правда?

Мне было нечего делать, к тому же, Таня показалась мне довольно симпатичной, и я легкомысленно согласилась. Кроме того, я никогда до этого не была в казино, мое детство прошло под присмотром суровой бабки, а ранняя юность – в заточении строгого режима спецдетдома для врагов народа. Казино всегда ассоциировалась для меня с образом той, довоенной, прекрасной жизни, которой жили мои родители, и которую, по моим понятиям, у меня украли большевики. Атмосфера порока и приключений влекла меня словно магнитом. Поэтому я с некоторым даже волнением вошла вслед за Таней под своды лучшего заведения подобного рода в городе, которое содержал, как я узнала впоследствии, старый еврей, долго проживший на Украине, пан Гецель.

– В нашем казино бывает весь цвет местного немецкого офицерства, – с какой-то даже гордостью в голосе сказала Таня, проводя меня в раздевалку для прислуги по черному ходу.

В маленькой, безвкусно оформленной комнатке, которую она делила с двумя другими девушками, она быстро переделалась в форменную одежду, а затем, достав из настенного шкафчика заботливо припрятанный шкалик, не спрашивая моего согласия, налила рюмку себе и мне.

– Попробуй, – сказала она, быстро опрокидывая рюмку. – Это настоящий бренди, такой, как подают офицерам в казино.

Следуя ее примеру, я храбро глотнула все содержимое рюмки одним глотком. Желудок сначала обожгло огнем, а затем приятное тепло обволокло меня со всех сторон, внезапно стало легко и весело, словно я после долгой отлучки вернулась домой. Таня показалась мне такой доброй и милой, словно родная сестра.

– Таню-юша! – неожиданно, словно гром с ясного неба, прозвучал откуда-то дребезжащий старческий голос. – Танюша, пора на работу, твоя смена началась минуту назад!

Дверь растворилась, и на пороге показался маленький еврей со сморщенным, словно печеное яблочко, лицом и клоком темных волос на порядком облысевшей уже голове. Когда он перевел свой взгляд с Тани на меня, он внезапно замолчал и глаза его, маленькие и острые, засветились от удовольствия.

– Прошу прощения, пан Гецель, – сказала Таня, хитро поглядывая на старичка, – моя подруга зашла навестить меня на минутку. Обещаю, такого больше не повторится.

– А у твоей подруги есть работа? – вкрадчиво спросил старый еврей, не сводя с меня масляного взгляда.

– Есть, – сказала Таня, усмехаясь.

– Ты не хотела бы поработать у меня в казино, детка? – спросил у меня пан Гецель, прекратив, наконец, пялиться на меня и подступая ко мне ближе. – Такую красивую девочку как ты нечасто можно встретить! Я буду платить тебе хорошие деньги, детка. И ты сможешь завести полезные знакомства, а может, даже найти богатого и влиятельного любовника из немцев. Ты случайно, не танцуешь?

– Танцевала в школе, – растерянно сказала я, не понимая, к чему он клонит.

– Может быть, и поешь? – с надеждой спросил он.

– Немного, – также ошарашенно созналась я.

– Тебя мне сам бог послал! – воздев руки к небу, театрально вскричал старый еврей. – Поступай ко мне на работу в казино, и я буду доставать для тебя с неба звезды!

– У меня уже есть работа, – сказала я, забавляясь его горячностью.

– Я буду платить тебе больше! – заверил меня старый еврей. – Столько, сколько ты попросишь! Соглашайся немедленно, и ты не прогадаешь. В моем казино всегда много молодых и красивых мужчин, офицеров, богатых и влиятельных. Такой жемчужине, как ты, нужна достойная оправа. Позже, может быть, ты отблаговоришь старого Гецеля за совет и помощь.

– Ей не нужна работа, – сказала Таня, беря меня за руку и ведя к двери. – Она пойдет домой, если вы не возражаете, пан Гецель.

– Ну зачем же так торопиться! – старый еврей крепко ухватил меня сильными пальцами за запястье другой руки. – Ты когда-нибудь была в казино, детка?

– Нет, – честно созналась я.

– Никогда? – изумился старый еврей. – Ну, тогда иди и посмотри, что это такое и, может быть, ты изменишь свое мнение и придешь работать ко мне. Иди-иди, сегодня угощение и выпивка для тебя за мой счет!

Таня удивленно раскрыла глаза и подмигнула мне.

– Подожди-ка, – встрепенулся пан Гецель. – Я дам тебе кое-что. Думаю, что тебе это пойдет.

С ловкостью рук опытного мошенника, он извлек из сундука, стоявшего у дальней стены комнатухи, темно-вишневый приталенный пиджак и такого же цвета маленькую изящную шляпку с вуалеткой, прикрывавшей верхнюю половину лица. Прежде чем я успела опомниться, он уже надел пиджак на меня. Затем пришла очередь и шляпки.

– Какая прелесть! – воскликнула Таня, с восторгом глядя на меня. – И так подходит к твоей черной юбке и белой блузке!

Черную бархатную юбку, узкую в бедрах и чуть расклешенную книзу, одолжила мне из своего довоенного гардероба старая баронесса. Ей же принадлежала тонкая кружевная блузка, которая была в тот день на мне, уже изрядно поношенная, но выглядевшая еще вполне прилично.

– Барышня просто красавица! – с чувством сказал старый еврей, прослезившись от умиления.

Это не помешало ему проворно выволочь меня в коридор, а затем, минуя плотный шелковый шоколадного цвета занавес, отделявший подсобные помещения от собственно казино, вытолкнуть прямо в зал, заполненный столиками с сидящими за ними людьми. На секунду я зажмурилась от яркого света, ударившего мне в глаза, и гула голосов, хлынувшего со всех сторон.

Обширный зал казино был полон. Мужчины, преимущественно в серых мундирах СС и черный мундирах гестапо сидели за столиками, беззаботно смеялись, пили вино и шампанское за здоровье своих друзей или присутствующих с ними дам. Никто не обратил на нас никакого внимания. Весьма обрадованная этим фактом, решив, что хитроумный план пана Гецеля потерпел неудачу, я, не особо сопротивляясь его напору, стараясь не привлекать к нам излишнего внимания и, потихоньку оглядываясь по сторонам в поисках выхода, вместе с тем с любопытством оглядывала зал. Заметив, что я стала отставать от него, пан Гецель сильнее потянул меня за руку, я непроизвольно резко подалась вперед и в тот самый момент столкнулась с офицером, начавшим подниматься из-за своего столика у меня за спиной. Красное вино из недопитого им бокала, который соскользнул от столкновения со стола, залило прекрасный темно-вишневый пиджак пана Гецеля, который был на мне, и обшлаг рукава молодого офицера. Мы произнесли слова извинения одновременно и оба – по-немецки, возможно потому, что офицер оказался никем иным, как бароном Гюнтером-Себастьяном фон Ротенбургом, а я узнала его в тот же момент, как увидела.

Его серо-серебристые, показавшиеся мне необыкновенными глаза, остановились на моем лице, удивленно расширились и где-то в их глубине засветился, мягко мерцая, теплый искристый свет.

– Я просто идиот! – сокрушенно сказал он, взятой со стола салфеткой стряхивая рубиновые капельки вина с полы моего пиджака. – Первый раз в жизни вижу такую красивую девушку, и сразу же умудрился испортить ей платье. Простите меня, ради бога, фройляйн. Тем не менее, не могу упустить возможность представиться. Барон Гюнтер фон Ротенбург, к вашим услугам.

– Весьма польщена, господин барон, – пролепетала я, непроизвольно делая шаг по направлению к двери.

– Разрешите мне в качестве искупления, – насмешливо изогнув бровь, видя, что я не собираюсь представляться, сказал барон фон Ротенбург, – пригласить вас к своему столу и выпить бокал шампанского в знак нашего примирения.

– Право, не стоит ради этого огород городить, – быстро сказала я. – Я прощаю вас авансом. Вы слишком видная шишка в городе, чтобы таить на вас обиду.

Он рассмеялся, из-под пурпурных, четко очерченных губ блеснули белые ровные зубы.

– Вы немка, не правда ли? – спросил он, отодвигая передо мной стул и ожидая, пока я села.

Краем глаза я успела увидеть довольную улыбку на толстом морщинистом лице старого и хитрого, как лис, еврея.

– Девушка прекрасно поет, ваша светлость, – нагнувшись к плечу барона, доверительно сказал он. – Правда, она не хочет петь в моем казино, но возможно, согласиться спеть для господина барона?

Если бы я могла убить его взглядом, я бы, несомненно, в тот момент сделала бы это, не задумываясь. Прекрасно поет! Последний раз я пела на выпускном вечере в нашей школе-интернате. После этого были три страшных года постоянных скитаний, голода и холода, в течение которых я не раз была на волосок от смерти. Прекрасно поет! Да я и звука не смогу выдать из своего несчастного горла после того, что я перенесла этой зимой!

Барон заинтересованно смотрел на меня, в его серых глазах разгорались искорки непонятного мне таинственно мерцающего света.

– Вы споете для меня, фройляйн? – мягко попросил он, и, склонив голову, с улыбкой добавил: – Пожалуйста.

Что мне оставалось делать? Я поднялась со стула, растерянно оглядела зал, шум голосов в котором постепенно начал сходиться на нет, потому что, по знаку пана Гецеля, медленно угасал яркий свет, пока в установившейся полутьме не осталась стоять, подсвеченная лучом света прожектора, лишь я одна. В моей голове, как назло, как некогда пошлый мотив у Марии-Магдалены, вертелись банальные слова куплетов «*Meine lieber Augustin*». Если бы я не глотнула добрую стопку крепкого бренди в комнате у Тани, я бы никогда в жизни не осмелилась раскрыть рот, чтобы запеть после трехлетнего перерыва! Моя покойная бабка была некогда примой в оперном театре в Санкт-Петербурге, и в свое время не жалела ни сил ни времени для того чтобы вбить в мою ветреную голову все секреты своего сценического искусства, поскольку, по ее словам, все способности к оперной карьере, и в первую очередь голос, у меня были. Воспоминания о бабуле, как ни странно, освежили мою память. Еще раз посмотрев на довольную физиономию пана Гецеля, а затем на легкую снисходительную улыбку, игравшую на красивом лице барона фон Ротенбурга, я внезапно разозлилась. Какого черта! Они, видимо, ожидают услышать какие-нибудь пошлые куплеты, так популярные при дворе их полусумашедшего фюрера. Я глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, и сначала несмело, а затем все более и более крепнущим голосом, который, к моему величайшему изумлению вовсе не исчез, а стал каким-то более глубоким и новым, взяла первые ноты вступительной арии графини Палинской из оперетты «Мистер Икс». Могу, положив руку на сердце, сказать, что я не посрамила свою бабулю! Когда я на триумфальной ноте закончила пение со строфой: «Не пришла еще любовь моя!», офицеры в казино, повскакав со своих мест, стали аплодировать мне с криками «браво!», наперебой требуя спеть еще. Только присутствие за столиком барона фон Ротенбурга спасло меня от назойливых преследований молодых офицеров и просьб спеть еще.

– Вы профессиональная певица? – спросил он, когда я, кончив раскланиваться во все стороны, снова уселась за столик.

– Нет, ваша светлость, – сказала я.

– Ну, зачем же так официально, – усмехнулся он. – Зовите меня Гюнтер, если не возражаете. Но я до сих пор не знаю вашего имени, моя прекрасная незнакомка.

Он предложил мне вина. На столике перед нами уже, как по мановению ока, оказались тарелки, полные восхитительной еды, которой я не пробовала со времен своего детства: черная икра, французские салаты, свежие овощи, румяное, издававшее изумительный аромат свежезажаренное мясо и хрустящий картофель.

Барон вопросительно смотрел на меня. Глоток крепкого терпкого красного вина окончательно лишил меня остатков здравого смысла. Вместо того, чтобы изображать из себя серую мышку, что всегда выручало меня в подобных обстоятельствах, я вдруг неожиданно решила сыграть в роковую женщину.

– Зовите меня Элизой, – сделав паузу, наконец, снизошла к его просьбе я.

– Ваше здоровье, Элиза! – подняв бокал, сказал барон, чуть приметно улыбаясь, видимо, моей глупости.

Я выпила второй бокал вина и приступила к закуске.

– Никогда не видел вас в казино прежде, – через некоторое время осторожно заметил барон, внимательно наблюдая за тем, как я ела.

– Я никогда не была здесь до сегодняшнего дня, – легко созналась я.

Мне показалось или на лице его промелькнуло облегчение.

– У вас строгие родители? – полюбопытствовал он. – Еще вина?

– Нет, благодарю вас, – отказалась я. – Мне уже достаточно. Я не привыкла много пить.

Что касается родителей, то здесь вы не угадали. Я сирота.

Он удивленно приподнял бровь.

– Что случилось с вашими родными? – помедлив, сочувственно спросил он.

Я отложила в сторону нож и вилку.

– Отец погиб во время революции, мама умерла позднее, в тридцатых годах.

– Кто был ваш отец? – тут же спросил барон. В его голосе явно просквозил интерес.

– Военный, – не задумываясь, ответила я. – Офицер флота.

– А ваша мать? – начал было он, но я пребила его с улыбкой:

– У моей матери был точно такой же акцент как у вас, господин барон. Вы ведь из Померании, не правда ли?

Этот фашист был очень привлекательным мужчиной, внезапно подумала я, наблюдая за тем, как он удивленно приподнял брови, соглашаясь с тем, что я была права. Его матовой бледности лицо с четкими, правильными чертами, небольшим, твердо очерченным ртом и длинными темными густыми ресницами, которым могла позавидовать любая девушка, казалось мне все более привлекательным.

– Ваша мать, должно быть, была красавицей, – мягко сказал он, поднимая на меня глаза и улыбаясь.

– Я ее очень любила, – созналась я с налетевшей неожиданно грустью. – Но она умерла, когда я была еще ребенком. Меня воспитывала бабка.

– Надеюсь, она-то еще жива? – заметил он, спрашивая у меня разрешения закурить.

– Увы, нет. Тоже умерла, перед самой войной.

– Мне очень жаль, – сказал он, окутывая себя синеватым дымком дорогой сигареты.

– Мне тоже, – сказала я, приходя в себя. – Ну, а теперь, когда вы выяснили все факты моей биографии, может быть, вы разрешите мне уйти?

– Вы хотите уйти? – удивился он, неожиданно для меня протянул через узкий столик свою руку и, взяв в нее мою ладонь, легко, едва касаясь губами, поцеловал кончики моих пальцев. – Боюсь, это невозможно, моя прекрасная незнакомка. Я не отпущу вас.

– Звучит весьма устрашающе из уст шефа контрразведки коменданта нашего города, – легкомысленно сказала я, мягко освобождая свою ладонь.

Его серо-серебристые глаза насмешливо блеснули из-под длинных темных ресниц.

– Вы знаете обо мне гораздо больше, чем я полагал, – заметил он, снова откидываясь на спинку стула.

– Кто же в городе вас не знает, – засмеялась я, забавляясь ситуацией, в которую попала. – Молодой аристократ, помощник военного коменданта города, суровый и неприступный, как скала. В противоположность вашему патрону, вы не женаты, у вас нет официальной подружки в городе, и вы не задираете юбку всем женщинам без разбора, как это делают многие другие. Простите за грубость, господин барон, после смерти бабки я оказалась на улице и, боюсь, немного подрастеряла все свои хорошие манеры.

Молодой человек в сером, с серебром, немецком мундире на секунду прикрыл глаза, словно давая мне понять, что принимает извинения, и серьезно посмотрел на меня, по видимому, ожидая продолжения. Я взяла со стола третий бокал с вином и выпила его быстрее, чем это было необходимо.

– Вы знаете, чем все это объясняют? – поставив локти на стол, невинно спросила я, мягко улыбаясь.

– Чем же? – он также положил руки на стол, предварительно поставив бокал с недопитым красным вином.

Его красивое бледное лицо с необыкновенными серо-серебристыми глазами оказалось неожиданно близко ко мне. Чисто механически я отметила, как аккуратно подстрижены и уложены его густые, темно-каштановые волосы.

– Ну, конечно же, роковая любовь! – снова улыбнулась я. – Что же еще?

– Так просто! – поразился он. – Я потрясен.

– А чего вы ожидали? – удивляясь собственной наглости, спросила я.

Он смотрел прямо мне в лицо.

– Ну, чего-нибудь менее романтического. Например, что я вампир или извращенец.

Я не выдержала и расхохоталась, барон тут же присоединился ко мне.

– Вы поразительная девушка, Элиза! – отсмеявшись, сказал он. – Я никогда еще не встречал никого, подобного вам.

– Звучит банально, господин барон, – заметила я.

– Гюнтер, – поправил меня он.

– Гюнтером вас будет звать жена, – нахально заявила я, улыбаясь и одновременно приказывая себе немедленно остновиться и не дразнить его, но дело в том, что в тех редких случаях, когда я вхожу в раж, меня трудно остановить.

Его глаза стали серебристо-блестящими, как новенькие советские рубли.

– Тогда вам самое время привыкать называть меня по имени, – вкрадчиво сказал он, – Не дожидаясь формальностей. Но будьте уверены, они последуют весьма скоро! Я очень упрямый человек.

– Что вы имеете в виду? – чуть не подавившись глотком вина из следующего по счету бокала, спросила я, отставляя недопитый бокал в сторону и испуганно посмотрев на него. – Вы что же, собираетесь отправить меня в гестапо, если я буду продолжать называть вас «господин барон»?

Мгновенное удивление от моих слов на его лице сменилось улыбкой.

– Вы недогадливы, фройляйн, – с некоторым, как мне показалось, напряжением в голосе сказал он.

Я даже рассердилась. Что это за игры такие затеял со мной этот фашист? Рехнулся он, что ли? Или это я слишком много выпила, так много, что в простых словах мне уже мерещится некий скрытый смысл.

– Тогда объясните мне, недалеко, что вы имели в виду, – по возможности миролюбиво предложила я, решив выяснить все до конца.

Он откинулся на спинку стула, лицо его казалось спокойным и невозмутимым, поза расслабленной, только в глазах отражался непонятный мне огонек беспокойства.

– Выходите за меня замуж, Элиза, – сказал он.

Меня чуть удар не хватил от неожиданности.

– Да вы с ума сошли! – непроизвольно вырвалось у меня.

– Вы мне отказываете? – чарующе вежливо уточнил он.

– Но вы же меня совсем не знаете! – воскликнула я, стремясь немного смягчить впечатление от своих предыдущих слов. Кто его знает, этого сумашедшего, может, он меня действительно в гестапо потащит, если я буду ему противоречить?

– Вы не верите в любовь с первого взгляда? – спросил он.

– Нет! – не успев подумать, выпалила я.

– Для молодой девушки вы весьма неромантичны, – с сожалением сказал он, вздыхая. – Ну, что ж. Тогда придется вести осаду по всем правилам. Цветы, романтические прогулки при луне и все прочее. Только имейте в виду, я все равно выиграю! Вы будете моей женой.

Самым раздражающим было то, что он говорил серьезно. Я еще раз посмотрела на него и внезапно решила, что, общаясь с людьми, которые явно не в себе, нужно вести себя так же, как они.

– Господин барон, – с подкупающей откровенностью начала я. – Допустим, я даже происхожу из хорошей семьи, но по своему социальному положению я вам не ровня. Мои родители умерли, не оставив мне в наследство ничего, кроме долгов, так что я вынуждена работать прислугой в богатом доме.

– Мне показалось, разговор шел о любви, а не о социальном положении! – перебил меня он.

Я растерянно смотрела на него. Похоже, он не шутил. Барон Гюнтер-Себастьян фон Ротенбург действительно сделал мне предложение. Мне внезапно стало по-настоящему страшно. Что сделает барон, когда узнает, кто я такая на самом деле? Игра зашла слишком далеко. Он тоже внимательно смотрел мне в лицо, словно стараясь прочесть, что таилось за моим молчанием.

– Похоже, – наконец с грустной усмешкой сказал он, – что городские сплетни действительно напророчили мне роковую любовь.

– Мне пора идти, господин барон, – сказала я, решительно поднимаясь из-за стола. – Уже поздно.

– Я провожу вас? – поднимаясь вслед за мной, сейчас же предложил он.

– Нет, благодарю вас, – быстро отозвалась я.

Тем не менее, он протянул мне руку, предлагая вместе покинуть зал. И мне не оставалось ничего другого, как опереться на нее, чтобы не привлекать к себе всеобщего внимания. Сама мысль о том, как я буду выглядеть, брыкаясь и отталкивая от себя военного коменданта города, чуть не вызвала у меня приступ истерического смеха.

– Может быть, вы все-таки позволите мне вас проводить, моя прекрасная незнакомка? – остановившись на улице пред дверями казино, мягко попросил он, поднося мою руку к губам. – Уже поздно. Я буду за вас беспокоиться.

Стояла теплая весенняя ночь, свежая и звездная. Воздух был густым и влажным, наполненным ароматом цветущих деревьев. В неясном свете огней ярко освещенного казино, падавших на мостовую, барон казался принцем из моих оживших детских грез, красивым и влюбленным.

– Когда я смогу снова увидеть вас? – помедлив, спросил он.

– Не знаю, – честно созналась я.

Его серебристые глаза засветились насмешкой.

– Хотите, завтра? – предложил он. – Могу поспорить, что уже завтра днем я буду знать о вас больше, чем вам хотелось бы.

Это уж точно, с сарказмом успела подумать я. И не только больше, чем мне хотелось бы, но даже больше, чем вы можете себе представить, господин барон.

– Надеюсь, я вас не напугал, – уже серьезно сказал он, испытываяюще глядя мне в лицо. – Поверьте, я говорил то, что чувствовал, Элиза. Никогда со мной не происходило ничего подобного. Вы словно вышли из моих грез, вы такая красивая и нереальная, что я боюсь вас отпустить. Боюсь, что вы уйдете, растаете в воздухе, как призрак, и я уже больше никогда не увижу вас. Обещайте мне не исчезать! Пожалуйста, Элиза.

Черт знает что, с отчаяньем подумала я. И почему я вечно влипаю во всякие истории!

– Уже поздно, господин барон, – снова пролепетала я, отнимая у него руку. – Я должна идти. Прощайте.

– Я отпускаю вас только потому, что я хорошо воспитан, – с иронией сказал он, на секунду задержав в своей руке мои холодные пальцы.

И уже убегая прочь от него в темноту спасительной ночи, я услышала за спиной его уверенный голос.

– Я все равно найду вас, моя прекрасная незнакомка! Мы обязательно встретимся!

Глава 3

Мы встретились три дня спустя в гостиной его собственного дома.

В тот день, протирая пыль с рояля, стоявшего в гостиной, я зачем-то открыла крышку, а затем мои пальцы бездумно и привычно пробежали по клавишам. Несмотря на то, что я никогда не видела, чтобы кто-нибудь в доме барона играл на рояле, инструмент оказался прекрасно настроен. В гостиной никого не было, баронесса, кажется, была в своей комнате, а Минни гремела посудой на кухне, поэтому я решила рискнуть. Я отложила в сторону тряпку для пыли и села за рояль. Музицирование было моей второй слабостью после длинного языка. До того, как я попала в интернат, в доме моей бабки я проводила часы, разучивая музыкальные пьесы. Я так соскучилась по возможности поиграть на рояле за эти годы, по непередаваемому ощущению прохлады клавиш под моими пальцами, что забыла о том, где я нахожусь. Не знаю, почему я выбрала «К Элизе» Бетховена, но я играла и играла, отдавшись звукам музыки, не в силах остановиться, сначала негромко, стараясь соблюдать конспирацию, я затем в полную силу, наслаждаясь прекрасным звучанием рояля.

Когда я закончила, я почувствовала на себе чей-то взгляд, подняла голову и увидела полные искристой насмешки необыкновенные серо-серебристые глаза. Барон фон Ротенбург стоял в дверях гостиной, куда он прошел прямо из прихожей, видимо, привлеченный звуками музыки. Он был все еще в шинели и фуражке.

Увидев, что я заметила его, он усмехнулся и несколько раз похлопал затянутыми в перчатки ладонями, подражая аплодисментам. Затем его взгляд стал серьезным.

– Вот мы и встретились, Элиза, – просто сказал он. – Мир действительно тесен. Вы подумали о моем предложении?

Не дожидаясь ответа, он вернулся в прихожую, снял и повесил на вешалку шинель и фуражку, и, приглаживая волосы, прошел в столовую. Я быстро вскочила с места, закрыла крышку рояля и позорно сбежала на кухню к Минни.

– Ты просто настоящая барышня, – подмигнув мне, ободряюще сказала толстая кухарка-немка, увидев сконфуженное выражение моего лица. – Фрау Ульрика была в восторге от твоей игры! Это ее рояль. Когда мы жили в Берлине, она все еще неплохо играла, но теперь совсем забросила музицирование.

– Она слышала, как я играла? – только и спросила я, проклиная свою тупость.

– Было бы странно, если бы не слышала, – фыркнула Минни. – Она же не глухая, как и я, и господин барон.

– Я просто убиралась в гостиной и не могла удержаться, – пробормотала я. – Думаешь, фрау Ульрика не будет на меня сердиться?

– Ну что ты! – засмеялась Минни так, что складки на ее подбородке заходили ходуном. – Теперь она заставит тебя играть на рояле каждый вечер и совсем тебя замучает. Она обожает музыку!

Я с признательностью посмотрела на нее. Как-никак, толстая добрая Минни всегда помогала мне и сейчас даже пыталась утешить.

– Я все-таки вернусь и гостиную и закончу уборку, – вздохнув, сказала я, немного успокаиваясь.

Я вернулась в гостиную, и вскоре, на фоне звуков переключаемых во время обеда приборов, доносившихся до моего слуха из столовой через открытую в гостиной дверь, услышала спокойный голос барона, который, в ходе беседы за столом, внезапно спросил у матери:

– Эту девочку, которая недавно играла на рояле, вы выписали из Германии, мама? Еще одна из ваших родственниц из Померании?

Ответом ему был дребезжащий смех старой баронессы.

– Раскрой глаза, дорогой! Эта та самая замарашка, которую ты прислал мне из барака смертников. Я и сама не ожидала, что плутовка окажется такой хорошенькой. Ее немецкий просто великолепен, ты не находишь? Намного лучше, чем у многих из твоих нынешних друзей. Кроме того, она прекрасно играет на рояле! Я чуть не прослезилась сегодня, услышав в ее исполнении бессмертного Бетховена. Ее зовут Элизой. Она тебе понравилась?

– Она русская?! – с каким-то суеверным ужасом, просквозившем в его голосе, спросил барон.

Звякнула упавшая, судя по звуку, на пол вилка, затем установилась тишина. Я с горечью пожелала барону получить удар, но этого, к сожалению, не случилось. Через некоторое время в столовой снова послышался его спокойный, уверенный голос, когда баронессе удалось втянуть его в рассуждения о преимуществах хорошего образования.

Взгляд, который мне пришлось вынести при неминуемой встрече с ним, когда он покидал столовую, был красноречивее всяких слов. В нем светилось ледящее душу презрение и, как ни странно, затаенная боль.

– Фройляйн любит играть в игры? – высокомерно любопытствовал барон, на секунду задержавшись, проходя мимо меня.

– Я не сказала вам ни слова неправды, – не поднимая головы, сказала я.

– Почему тогда вы не смотрите мне в лицо, когда разговариваете со мной? – надменно спросил он.

– Соблюдаю субординацию, господин барон, – буркнула я, тем не менее, поднимая голову, чтобы посмотреть ему в лицо. – Вы же – мой работодатель, не правда ли? Я не хочу потерять свою работу.

– И насколько сильно вы хотите сохранить ее? – тихо, почти шепотом, с холодным презрением спросил он, придвигаясь ко мне вплотную. Его серебристые глаза сверкали от обуревавшей его холодной ярости разочарования.

– Что вы имеете в виду? – спросила я, напрягшись, как струна в ожидании несчастья.

– Простите, фройляйн, я забыл, что вы на редкость недогадливы, – он издал тихий саркастический смешок. – Постараюсь быть максимально простым. Готовы ли вы взять на себя некоторые дополнительные обязанности, связанные с удовлетворением определенных потребностей вашего работодателя, чтобы сохранить свое место?

Краска ударила мне в лицо, когда я поняла, что он имеет в виду.

– Нет! – тихо сказала я, отворачиваясь.

– Смотри мне в лицо! – повысил голос он.

Я зло уставилась прямо в его бледное, красивое лицо с блестящими глазами, выражение которого никак не соответствовало тому, что у него имелись какие-либо потребности упомянутого им рода.

– Даже если я удвою тебе зарплату? – снова сойдя на шепот, вкрадчиво спросил он.

– Нет! – снова повторила я, чувствуя себя невероятно униженной.

– Втрое?

– Нет, – повторила я заученно, как попугай.

– В десять раз? – изогнул бровь он.

Не соображая, что делаю, я подняла руку и ударила его по лицу, и тут же почувствовала такой панический ужас, что мне захотелось закричать от страха и убежать, куда глаза глядят. Но проклятый фашист даже глазом не моргнул, хотя на его бледной щеке отпечатался красный след от моей ладони.

– В таком случае, я вас уволю, фройляйн, – миролюбиво сказал он.

– Ну и хрен с тобой! – выпалила я первое, что пришло мне в голову.

Он неожиданно сухо рассмеялся, повернулся и пошел прочь, оставив меня столбом стоять посреди коридора.

– А как же ваше предложение о браке, господин барон? – бросила я ему вслед, вероятно, совсем повредившись в уме.

– Напомните мне о нем, когда перестанете лгать, – высокомерно бросил он, поднимаясь по лестнице.

Привлеченная, видимо, звуком голосов, в прихожую вышла старая баронесса.

– Что здесь происходит, Элиза? – обеспокоенно спросила она, обращаясь ко мне, ибо в эту минуту барон с треском закрыл за собой дверь библиотеки.

– Его светлость, кажется, меня уволил, – пробормотала я первое, что пришло мне в голову.

– Гюнтер? – с сомнением переспросила баронесса. – Не бери в голову, деточка. Я с ним поговорю.

Помогая Минни убирать со стола, я напряженно соображала. Даже если он меня и вправду уволит, я всегда смогу пойти в казино. С этой стороны мне ничего не грозит, если, конечно, он не сдаст меня в комендатуру или гестапо. Его ярость была, на мой взгляд, вполне объяснима, он чувствовал себя полным ослом, узнав в своей принцессе из казино доходягу из барака смертников. Я старалась уверить себя, что мне не стоит чувствовать себя виноватой, в конце концов, я не сказала ему ни слова неправды. Просто позволила ему придумать себя, и только. Но все равно, на душе почему-то скребли кошки.

Несколько дней спустя он позвал меня в кабинет и, не отрываясь от просматривания бумаг на столе, холодно и подчеркнуто официально спросил:

– Могу я узнать ваша имя, фройляйн?

– Лиза. Лиза Кружкова, – быстро сказала я, решив быть последовательной до конца.

Барон скептически приподнял бровь.

– Вы в этом уверены?

Я на минуту замялась, и на помощь мне тут же пришла старая баронесса, слышавшая его вопрос, поскольку дверь кабинета оставалась открытой настежь.

– Я хочу, чтобы ее звали Элизой, Гюнтер!

– Зовите ее, как хотите, мама, – тут же холодно отозвался барон. – Мне просто нужно выправить ей в комендатуре аусвайс. Лучше бы, конечно, сразу на настоящее имя, но – воля ваша.

Последующие затем два месяца прошли без каких-либо инцидентов. Барон фон Ротенбург относился ко мне бесстрастно, как к вешалке. Он меня не выгнал, и моя оплеуха мне ничего не стоила. К слову сказать, он, как обычно, не обременял своим присутствием свой дом, возвращался поздно, ужинал в одиночестве, а в выходные по-прежнему засиживался с книгой в библиотеке.

Старая баронесса была хорошей хозяйкой и неплохой женщиной. Ко мне она питала какую-то странную приязнь, звала меня деточкой, не особенно нагружала меня работой и с удовольствием спрашивала про то, что творится в городе, что говорят на улице, нашла ли я себе друзей. По вечерам она с упоением читала французские любовные романы. Нацепив на нос большие очки в роговой оправе с неправдоподобно толстыми линзами, она старательно шевелила губами, разбирая мелкий шрифт, но быстро утомлялась и с глубоким вздохом сожаления выпускала из рук книгу. Как-то раз, не в силах больше смотреть на ее страдания, я робко предложила почитать ей вслух. Она недоверчиво посмотрела на меня, но протянула мне книгу. Французский я знала так же хорошо, как и немецкий, и обрадованная баронесса была просто на седьмом небе от счастья. В разгар нашего чтения в гостиную вошел барон.

– Гюнтер! – сразу же обрадованно закричала баронесса, в то время как я замолкла на полуслове. – Представь себе, Элиза прекрасно знает французский! Какая удача! Эту девочку мне прямо сам бог послал!

Барон вежливо с ней согласился, а я поймала брошенный на меня поверх головы матери его странный взгляд, задумчивый и внимательный.

С того дня чтение вслух для баронессы, как и ежедневная вечерняя игра на рояле, стало одной из основных моих обязанностей.

Моя жизнь постепенно входила в накатанную колею.

Баронесса продолжала регулярно отпускать меня в город на выходные. В казино я больше не совалась, хорошо памятуя прошлый урок. Помимо Тани, у меня появились другие друзья, мальчики и девочки моего возраста, которые через некоторое время сознались мне, что все они входят в молодежную антифашистскую организацию, возглавляемую одним из попавших в окружение комиссаром разбитого батальона Красной Армии. Мне было все равно, чем они занимались до тех пор, пока они не трогали меня.

С другой стороны, у меня появились друзья из немецких офицеров. Дом барона довольно часто посещали его сослуживцы. Все они принимали меня за немку, бедную родственницу баронессы. Фрау Ротенбург это сильно забавляло, и она не спешила разуверять их в этом. Они наперебой заигрывали со мной, привлекая мое внимание, дарили мне шоколадки или букетики свежих цветов, которые за копейки продавались на улицах. Особенно усердствовал лейтенант Эдди Майер, служивший в гестапо, красивый, стройный белокурый парень лет двадцати пяти, ухоженный, вежливый и чрезвычайно галантный. Он был болтлив, как сорока. От него я узнала много интересных вещей, в том числе относившихся к барону фон Ротенбургу. Эдди поведал мне, что комендант фон Шлезвиц уже несколько раз жаловался на барона в Берлин, как своему непосредственному начальству, так и самому фюреру, но никаких мер по поводу его самоуправства не последовало. Говорили, подмигнув мне Эдди, что барон фон Ротенбург лично знаком с Гитлером, несколько довоенных лет работал в Генеральном штабе и на Восточный фронт попал в наказание за дуэль. После этого его замечания мое воображение заработало вовсю. Дуэль всегда ассоциируется с женщиной, а в случае с красивым высокомерным бароном это должна была быть необыкновенная женщина. Это также хорошо объясняло тот факт, что барон фон Ротенбург не был женат и не искал общества женщин. Несчастливая любовь, с горечью должна была признаться себе я. Слухи никогда не бывают безосновательными. Лучше раз и навсегда забыть о нем. Но как я могла не думать о нем, если пристальный, внимательный взгляд его серебристо-серых, порою казавшихся дымчатыми, глаз, неизменно обращенный ко мне, преследовал меня даже во сне. Я просто не могла забыть наше впечатляющее знакомство в городском казино, и была уверена в том, что и барон его не забыл. В ответ на восторженные похвалы фрау Ульрики моему совершенному владению немецким и французским языками, он лишь презрительно кривил губы и высокомерно улыбался. «Скажите честно, фройляйн, какого языка вы не знаете?» – как-то при случае, с усмешкой спросил меня он. Иногда я с тихим ужасом думала, уж не принимает он меня за шпионку.

Глава 4

Между тем, события в моей жизни вдруг начали разворачиваться с калейдоскопической быстротой. Начало им положил тот факт, что лейтенант Эдди Майер влюбился в меня не на шутку, и как-то вечером даже решил объясниться мне в любви.

Начав с обычных невинных замечаний по поводу моей незаурядной красоты и обаяния, обер-лейтенант Майер в тот вечер разошелся не на шутку. Когда я уже начала опасаться того, что я буду делать, если он, того и гляди, из немецкой тяги к театральности опустится на колени и скажет мне заветные слова, в прихожей послышался раздраженный голос барона, которому, по причине моей занятости, пришлось отпирать дверь самому. В следующую минуту он прямо в шинели и фуражке прошел в гостиную, увидел нас с лейтенантом Эдди, уже преклонившем было одно колено, и удивленно спросил:

– Что здесь происходит, Майер, я хотел бы знать? Какого черта вы делаете в моем доме так поздно?

– Добрый вечер и тебе, фон Ротенбург, – осклабился лейтенант Эдди, поднимаясь с колен. – Очень приятно тебя видеть. Вообще-то, я пришел не к тебе, а к Элизе.

– Даже так? – барон бегло взглянул в мою сторону. – И зачем же ты к ней пришел?

В голосе барона явно прозвучало раздражение.

– Элиза – красивая и умная девушка, – вкрадчиво сказал лейтенант Эдди Майер, подмигивая мне. – Я за ней ухаживаю.

– Что делаешь? – недоверчиво переспросил барон фон Ротенбург, снимая фуражку и в раздражении бросая ее на кресло.

– Ухаживаю, – терпеливо пояснил ему Майер.

– Замечательно, – саркастически отозвался барон. – В полдвенадцатого ночи? И как далеко зашли твои ухаживания?

– Ну-у, – лейтенант Эдди замялся. – Даже не знаю, как тебе сказать. Я думаю, я буду просить у фрау Ротенбург разрешения жениться на Элизе. Она ведь сирота, не так ли?

У меня аж дух перехватило от неожиданности. Пока я изумленно смотрела на невозмутимо улыбающегося молодого офицера гестапо, делающего подобные заявления еще до того, как он потрудился поставить меня в известность о своих, извините, чувствах, он снова подмигнул мне и выразительно указал глазами на рассерженное лицо барона фон Ротенбурга.

– Идите домой, Майер, – сдержанно посоветовал ему барон, снимая шинель, которая полетела в то же кресло у камина. – Иди сам, Эдди, пока я, черт побери, не спустил тебя с лестницы!

– А вот это уже оскорбление, – заметил лейтенант Эдди, продвигаясь в сторону коридора. – Может быть, вызвать тебя на дуэль? Клянусь вам, господин барон, на подобные шалости здесь смотрят совсем по-другому, чем в Берлине. Более снисходительно. Дальше Восточного фронта лететь некуда. Ты предпочитаешь шпаги или пистолеты? Или подеремся по-простому, на кулаках?

Взгляд рассерженного барона был настолько выразительным, что лейтенант Эдди оставил свои шуточки и поспешил ретироваться. После его ухода настала моя очередь. В течение почти часа барон фон Ротенбург, расхаживая по просторной полутемной гостиной, читал мне лекцию о том, как должна вести себя благовоспитанная девушка из приличного дома.

От нечего делать, я исподтишка рассматривала его. После памятной сцены в казино, я должна была смириться с очевидным фактом, от которого невозможно было убежать или спрятаться – что-то в личности этого странного немецкого офицера затронуло мое воображение. От резкой неприязни нашей первой встречи не осталось и следа. Поведение барона с каждым днем все сильнее и сильнее интриговало меня. В нем удивительно сочетались, с одной стороны,

неистребимые черты воспитанного в духе своей исключительности аристократа и немца, с другой, подлинного лояльного и терпимого человека. Впрочем, справедливости ради, я не знала, нравится ли мне он больше, чем я его боялась, или наоборот. Иногда у меня мурашки бегали по спине, когда я встречалась с его тяжелым пристальным взглядом. Иногда, в его глазах, обращенных на меня, снова сквозила откровенная страсть, как тогда, в казино, когда он сделал мне предложение. Мне казалось, что он все время следит за мной, следит за тем, что я делаю, куда я пошла, с кем я встречаюсь. Это было глупо, но я ничего не могла с собой поделать.

– Элиза, ты слушаешь меня или нет? – услышала я удивленный голос барона фон Ротенбурга и тут же стремительно вынырнула из вод своих размышлений.

– Конечно, слушаю, господин барон, – пролепетала я на автопилоте.

Он странно посмотрел на меня и, не сказав ни слова, отвернулся от меня и покинул гостиную.

Прошло еще несколько недель, прежде чем я снова столкнулась с бароном, на этот раз в библиотеке.

Был чудный летний вечер, против обыкновения, без звуков стрельбы и лая собак на улице. В длинной ночной рубашке, с распущенными по плечам волосами, падавшими мне на лицо, спину, грудь, накинув на плечи шерстяной платок, чтобы не замерзнуть в холодной, плохо освещенной зале библиотеки, я подставила к высокому стеллажу лестницу-стремянку, чтобы достать книгу. Через несколько минут ожесточенной возни с тяжелыми фолиантами, я с удовлетворением вытащила с верхней полки покрытые пылью два тома в кожаных переплетах с надписью «Сага о Форсайтах» на корешке, и с триумфом спрыгнула с легкой лестницы-стремянки на пол.

Спрыгнула прямо в руки барона фон Ротенбурга, который каким-то непостижимым образом вошел в библиотеку так тихо, что я его не услышала. Я так испугалась, что у меня пропал голос. Даже не пискнув, я с ужасом уставилась в его правильное, с холодным выражением, лицо, не осознавая, что мои ладони упираются в его плечи, а его ладони лежат на моей талии.

В следующую минуту барон опустил меня на пол и вежливо осведомился, что я тут делаю. Я пролепетала что-то насчет того, что я очень виновата, но люблю читать, и фрау Ульрика разрешает мне потихоньку брать книги из библиотеки, но если господин барон возражает...

– Я не возражаю, – перебил меня барон.

Он мельком взглянул на корочку верхней книги, которую я непроизвольно прижимала к своей груди, и неожиданно взгляд его стал острым и глубоким.

– Forsyth's Saga, – по-английски сказал он, не сводя с меня взгляда блестящих серебристых глаз. – Do you speak English good enough to read books like this?

– Certainly, Sir, – сделав реверанс, ехидно протянула я, не удержавшись от желания немного поиграть с ним, чтобы отомстить ему за тот испуг, который я испытала в его руках несколько минут назад. – It is a pleasure to find so well speaking English companion in Your Excellency.

– At your service, my dear lady, – галантно ответил он, в то время как выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Ваш прекрасный английский, по-видимому, имеет те же корни, что и немецкий? – сухо спросил он в следующую минуту.

– Да, ваша светлость, – заученно повторила я, больше всего желая, что бы он, наконец, дал мне уйти.

Он стоял так близко ко мне, что через тонкую ткань ночной сорочки, мне казалось, я чувствовала тепло, исходящее от его тела, которое смущало меня.

– Вы хотите снова рассказать мне сказку о вашей матери, фройляйн?

От его холодного тона меня пробрал озноб. В довершение ко всему, он неожиданно поднял к себе мой подбородок, заставив посмотреть прямо в его красивое лицо, черты которого выражали высокомерие и буквально лучились недоверием.

– Оставьте в покое мою мать, – процедила я сквозь стиснутые зубы, глядя в его глаза.

– Тогда перестаньте лгать, – вкрадчиво посоветовал мне барон, одновременно с тем встряхивая меня как мешок с картошкой.

– Отведите меня в гестапо, – устало сказала я, не делая даже попыток вывернуться из его крепких рук, – и с пристрастием допросите, если уверены, что я все время лгу вам.

Он некоторое время внимательно смотрел на меня в лицо.

– Твой английский? – наконец, вопросительно поднял бровь он, разжимая свои пальцы на моем плече.

– Бабушка, – также коротко ответила я, с гримасой разминая затекшее плечо.

– Кто была твоя бабушка? – сразу же немилосердно послышалось мне в ответ. – Надеюсь, не королева Виктория?

– До революции? – ляпнула я со злости, не подумав. – Примадонна Мариинского театра! Надеюсь, я удовлетворила любопытство вашей светлости?

Он не ответил, словно и не услышал мой вопрос. Удивленная, я посмотрела на него снизу вверх и затаила дыхание. Точеные, классические черты его лица на секунду исказила гримаса отчаянья. Взор светлых глаз не отрывался от моего лица.

– Это просто наваждение какое-то! – с прозвучавшей в его голосе горечью негромко пробормотал он, ни к кому не обращаясь. – Столько времени прошло, а я никак не могу забыть то, что случилось в казино. Моя прекрасная незнакомка... Кто же ты такая на самом деле, маленькая врушка?

Я сочла за лучшее прикусить язык.

Его близость непонятным образом волновала меня. Он был полуодет, как и я. Форменные серые брюки все еще оставались на нем, в то время как он снял мундир и галстук, белая рубашка была расстегнута почти до середины груди, а рукава ее подвернуты до локтя. Некоторая небрежность в одежде, как ни странно, не делала его неряшливым, а напротив, придавала ему небрежную элегантность, замечательно сочетаясь с его гибкими, раскованными движениями и грацией хищника. Растрепавшиеся густые каштановые волосы и время от времени мерцающие из-под темных ресниц расплавленным серебром светлые глаза делали его необыкновенно привлекательным, словно благородного пирата из историй, которые я в детстве запоем читала в доме бабушки.

Внезапно его руки легли мне на талию, в ту же секунду я почувствовала, как его губы требовательно прильнули к моим губам. Ощущение его поцелуя было настолько сильным и необычным, что мне показалось, расплавленный огонь разлился по моим жилам. Я так потерялась от нахлынувших на меня впечатлений, что в первый момент даже не подумала сопротивляться. Между тем, барон еще крепче привлек меня к себе, его губы становились все более требовательными, а поцелуй все более глубоким и обжигающим, таким, что через некоторое время я уже не могла дышать. Одновременно с тем, его руки скользили вдоль моего тела, пока, наконец, не коснулись моей груди. Я вздрогнула, и попыталась было отстраниться, когда пальцы барона, сдвинув бретельку моей ночной рубашки, коснулись, и стали нежно ласкать ставший неожиданно чрезвычайно чувствительным сосок, напрягшийся и затвердевший в ту же секунду. Горячая тяжесть прилила к низу моего живота, я непроизвольно выгнулась в его объятьях, тогда барон с хриплым стоном оторвался от моего рта, и в тот же миг его губы сомкнулись вокруг соска моей груди. Я вскрикнула, и полутемная комната библиотеки поплыла у меня перед глазами.

Это было какое-то безумие. Я хотела закричать, но голос не повиновался мне.

Сквозь тонкую ткань рубашки я чувствовала силу и крепость мускулов барона, и вдруг с ужасом осознала, что в данный момент я полностью в его власти. Ночью в библиотеку никто не придет.

Я так испугалась этой мысли, что на какую-то долю секунды перестала чувствовать и соображать. Зажмурился глаза, я резко оттолкнула барона от себя и, воспользовавшись его удивлением, побежала к двери.

– Элиза! – требовательно окликнул меня он.

Я остановилась на пороге, крепко сжимая пальцами ручку полуоткрытой на всякий случай двери. Его серые глаза казались в полутьме библиотеки совсем темными, почти черными.

– Я должен извиниться за то, что произошло.

В лениво-медлительном тоне его голоса не было ни малейшего намека на искренность.

– Очень трогательно, – пробормотала я, не зная, как реагировать на его поведение.

Барон нагнулся, поднял с пола уроненную мной книгу Голсуорси, и приблизившись ко мне, вложил ее в мои руки. Снова, на один короткий момент, я увидела совсем близко его холодное, с четкими чертами лицо, изогнувшиеся в усмешке губы.

– Но, извиняясь, я ни на секунду не жалею о том, что сделал, – спокойно добавил он.

– Вы дурно воспитаны, ваша светлость, – сказала я с достоинством, в то же время не в силах сдержать дрожь в коленках.

– По крайней мере, я не привык лгать.

– Какого черта! – внезапно возмутилась я, в бессильной ярости сжимая кулаки. – Все, что я сказала вам в казино, правда, от первого слова до последнего! Вы сами придумали все остальное! И что, теперь я всю жизнь должна буду расплачиваться за это? Даже не за свои, а за ваши выдумки!

Он схватил меня за плечи.

– В этой жизни нет справедливости, – на фоне бледного лица его глаза казались темными и бездонными, как омуты. – Пора бы уже смириться с этим. И принять тот факт, что все преимущества на моей стороне.

– Никогда! – запальчиво выдохнула я. – Вы сильнее, и это все ваши преимущества. На данный момент. Неизвестно, что будет завтра.

– Завтра? – он поднял бровь. – Вот уж не предполагал, что вы думаете о том, что будет завтра. Русские живут одной минутой.

– А немцы, надо полагать, живут перспективой, – огрызнулась я.

– Почему бы нам не продолжить эту замечательную дискуссию в библиотеке? – предложил барон, отступая назад, в полутьму зала.

– Потому что я не желаю ничего обсуждать!

– Вы также не демонстрируйте образца хорошего воспитания, фройляйн, – он, казалось, откровенно забавлялся ситуацией. – Вы должны догадываться, как приятно мне ваше общество. Обещаю вести себя прилично.

– В два часа ночи? – переспросила я, недоверчиво глядя на него. – Что это на вас накатило, господин барон?

– Но вам же все равно не спится, – подкупающе улыбнулся он.

– А как же ваш рабочий стол, заваленный рапортами?

Я указала глазами в сторону кабинета, располагавшегося рядом с библиотекой, дверь которого была приоткрыта. Видимо, именно через эту щель барон и заметил меня, когда я, ни о чем не подозревая, потихоньку прокралась за книгой в библиотеку.

– Бумаги подождут, – коротко сказал барон.

– Боже, как непрофессионально, – я позволила себе усмехнуться. – Вы рушите все мои представления о немецкой педантичности. Ordnung uber alles.

– Послушайте, Элиза.

Барон откинул со лба прядь каштановых волос и опустился в кресло, повелительным жестом предложив мне войти в библиотеку и сесть в другое, рядом с ним. Поколебавшись, я оставила в покое ручку двери и повиновалась.

– У меня к вам деловое предложение.

Я удивилась.

– Деловое?

– Мне давно уже нужен секретарь, который бы занимался бумагами на русском языке.

– У вас полно украинцев в комендатуре, – перебив его, лягнула я, полная дурных предчувствий.

– Мне нужен личный секретарь, – терпеливо объяснил барон, – который бы всегда был у меня под рукой. Секретарь, владеющий обоими языками в совершенстве, как вы. Человек, которому я бы смог доверять.

– Господи Иисусе! – ахнула я. – Так ведь я же неисправимая лгунья!

Он откровенно усмехнулся.

– Я готов рискнуть. И постараюсь помочь вам избавиться от этой пагубной привычки.

Выражение его глаз оставалось непроницаемым. Я никак не могла определить, то ли он издевается надо мной, то ли говорит серьезно. Так и не придумав, что сказать, испытывая почти физическое неудобство под его взглядом, я обескуражено спросила, поплотнее запахивая на груди шерстяной платок:

– А если я не хочу? Что тогда?

Его глаза засветились насмешкой.

– Чего именно вы не хотите, фройляйн? Работать со мной или постараться больше не лгать мне?

Но я не могла принять его намеренно легкий тон.

– С какой стати я должна помогать вам, фашисту, захватившему власть в моем городе?

Он откинулся на спинку кресла и смерил меня высокомерным взглядом.

– Во-первых, я не фашист. Никогда не имел чести принадлежать к партии фюрера.

– Но имели честь придти вместе с ним в Россию, – саркастически заметила я.

– Во-вторых, – проигнорировав мое замечание, невозмутимо продолжал он, – помогая мне, вы получите возможность в обмен на свои услуги получать поправки для ваших соотечественников.

– Какие такие мои услуги? – подозрительно переспросила я.

Он посмотрел на меня со снисходительной жалостью, просквозившей в его взгляде.

– Чисто профессиональные, фройляйн. Никаких особых условий я не оговариваю принципиально.

Это уже было совсем интересно.

– То есть? – я демонстрировала полное отсутствие такта и понимания.

– Я буду платить вам жалование.

В его белозубой улыбке сквозила немалая доля ехидства.

– Замечательно, – заключила я только из вредного желания оставить последнее слово за собой, толком не понимая, что именно я хотела этим сказать.

– Это означает, что вы согласны?

Он гибко поднялся с кресла, и я, как зачарованная, не могла отвести взгляда от его высокой фигуры, с небрежной грацией двинувшейся по направлению к бару, находящемуся в одной из ниш между полками библиотеки.

– Это означает, что я подумаю, – упрямо сказала я, отворачиваясь от созерцания барона, поймав его насмешливый взгляд.

– О чем здесь думать? – удивился он. – Ваше жалование возрастет в три-пять раз по сравнению с тем, что вы имеете теперь. Думаю, вам будет гораздо интереснее разбирать бумаги, чем стирать пыль с мебели.

– А как же быть с фрау Ульрикой? – теперь я, как дура, уставилась на его руку с тонкой кистью и аристократически длинными пальцами, обхватившими ручку дверцы бара. – Значит ли ваше предложение то, что я должна буду отказаться от работы у нее?

Его лицо снова стало насмешливым.

– Вы имеете в виду ваши вечерние чтения? – уточнил он. – Ведь работой по дому мать, кажется, вас не обременяет?

И, не дожидаясь ответа, добавил:

– Я поговорю с ней. Думаю, она не будет возражать, поскольку вы все равно останетесь в доме.

На меня внезапно сошло вдохновение.

– Но если вы устроите мне зарплату, – кротко сказала я, глядя в его лицо невинными глазами, – я смогу снять себе квартиру в городе и избавить вас от своего присутствия.

Его серебристые глаза вспыхнули гневом. Он непроизвольно сделал было шаг по направлению ко мне, но тут же опомнился.

– Вы останетесь в моем доме столько, сколько я захочу, фройляйн! – ледяным тоном сказал он.

– Спасибо, что хоть не в вашей постели! – вскинув голову, раздраженно выпалила я, не успев сообразить, что сказала, и тут же прикусила язык.

Он помолчал, вынул из бара новую бутылку, налил себе в бокал порцию неизменного коньяка и, отпив глоток, поставил бокал на низкий журнальный столик.

– Если вы будете себя так вызывающе вести, – мягко сказал он, – могу уверить вас, что в моей постели вы окажетесь гораздо раньше, чем предполагаете!

Краска бросилась мне в лицо.

– Да я лучше пойду в гестапо, чем в вашу постель! – процедила я, крепко сжимая челюсти, чтобы не клацали зубы.

В его холодной ироничной улыбке просквозило высокомерие.

– За что же такая немилость? Ведь в казино мы, кажется, друг другу понравились? И вы уже тогда хорошо знали, кто я такой.

– В казино вы, по крайней мере, были любезны!

– Ах, вот оно что!

Он снова поднял бокал, но пить из него не стал, а лишь задумчиво рассматривал янтарную жидкость на свет.

– Что это за история с лейтенантом Мейером? – спросил он, не отрываясь от своего занятия.

– Не ваше дело, господин барон, – вежливо, но твердо завила я, воинственно приподняв подбородок.

Что, в конце концов, он мог мне сделать? Наорать? Уволить? Да ради бога, я уйду от него с удовольствием. Сдать в гестапо? Маловероятно. Он – интеллеktуал, ему, видимо, хочется поиграться.

– Будьте с ним аккуратнее, фройляйн, – коротко сказал барон, ставя обратно на стол бокал, так и не пригубив его. – Мейер служит в гестапо.

Он подошел к полке и снял с нее книгу.

– Спокойной ночи, фройляйн, – сказал он вежливо, не поворачивая головы в мою сторону.

Я с облегчением поняла, что мне позволено уйти.

Глава 5

– Это очень похвально с твоей стороны, деточка, предложить свою помощь Гюнтеру, – заявила утром следующего дня баронесса, благожелательно глядя на меня своими маленькими глазами, слезящимися от сильных линз очков, и с грустью сказала:

– Он так много работает!

Она сокрушенно покачала головой, и добавила:

– И совсем не отдыхает.

– Ему, по-видимому, жениться пора, – заметила я, помогая Минни накрывать к завтраку стол.

Вошедший в столовую барон одарил меня ироничной улыбкой. Минни хихикнула и, отвесив ему короткий быстрый книксен, удалилась, чтобы начать подавать завтрак.

Я проверила наличие на столе салфеток и, убедившись, что все в порядке, собралась уходить.

– Элиза, деточка, – остановила меня баронесса, – мы говорили о тебе с Гюнтером сегодня утром. Поскольку ты приняла его предложение и являешься теперь его официальным помощником и личным секретарем, твое положение в доме кардинально меняется. С сегодняшнего дня ты обедаешь с нами за одним столом. Я также попрошу Минни перенести твои вещи в кремовую комнату на втором этаже.

Меня чуть удар не хватил от неожиданности. Обедать за одним столом с бароном и баронессой фон Ротенбург, мне, русской прислуге! Того и гляди, меня произведут в почетные члены семьи. Или еще лучше, баронесса удочерит меня за мое превосходное знание французского. А господин фашист, откровенно забавляясь, подошел ко мне, застывшей словно статуя жены Лота у дверей гостиной, любезно предложил мне руку, провел к столу и, отодвинув для меня стул, подождал, пока я усядусь.

В течение всего завтрака я ловила задумчивые и одновременно растерянные взгляды старой баронессы, следившей за тем, как я ела, с непонятым выражением изумления, явно отражавшимся на ее лице.

Через час после завтрака барон позвал меня в кабинет. Рядом с его столом стоял второй стол, которого еще вчера здесь не было. На нем высилась солидная кипа толстенных папок с бумагами, нуждавшимися в сортировке и обработке. Два часа, не поднимая головы от бумаг, не разгибая спины от стола, я работала, как проклятая. Я была в шоке. В мои руки попали огромное количество доносов, которые писали мои соотечественники, граждане страны победившего пролетариата. Доносов, в которых они называли имена и адреса коммунистов, комсомольцев, сведения о том, где скрываются евреи и уцелевшие окруженцы. Мои волосы медленно вставали дыбом. Призывая коменданта навести в городе порядок, ему писали о партизанских отрядах, действующих в крае, давали сведения об их численности, оружии, связных и тому подобное. И что же, я должна была переводить все это барону?!

Все время, пока я читала, он внимательно наблюдал за мной, спокойно расположившись за своим столом. На моем лице, видимо, отразилось все обуревавшие меня чувства смятения, неприятного изумления и растерянности, потому что когда я подняла на него глаза, выражение его лица было каким-то даже сочувствующим.

– Меня интересует любая информация, касающаяся партизанских отрядов, – в следующую минуту холодно сказал он.

– Информация? – изумилась я. – Это же куча сплетен и доносов! Вы что же, подобрали их после того, как их выкинули из комендантской канцелярии за ненадобностью?

– Этих бумаг не видел никто, кроме вас, фройляйн, – спокойно произнес он. – И если вы так уверены, что они представляют собой не что иное, как кучу ненужного хлама, почему бы вам не сделать того, что я прошу? Или это затрагивает ваше чувство патриотизма?

– Да ради бога! – фыркнула я, будучи твердо уверена в том, что указания типа «под пятым кустом от четвертого дуба на левом конце деревни», встречавшиеся в доносах, не могут повредить никому, даже писавшим их предателям.

Мы просидели над бумагами три часа.

Я переводила барону фрагменты доносов, он внимательно их записывал, время от времени делая пометки на крупномасштабной карте местности, висевшей на стене позади стола.

Когда часы в гостиной пробили четверть четвертого, он отложил в сторону свои записи и предложил мне кофе.

– Думаю, что на сегодня хватит, – сказал он, делая глоток из дымящейся чашки с кофе.

Серебристый, словно сверкнувший сталью взгляд его светлых глаз из-под темных ресниц, скользнул на какую-то минуту по моему лицу.

– Вы устали, фройляйн? – наклонив голову, ровным голосом спросил он.

– Немного, – вежливо согласилась я, с любопытством разглядывая три красных кружка, которые он нарисовал в разных местах на карте.

– Что это?

– Это? – он усмехнулся, – это расположение трех самых крупных партизанских отрядов, которые, видимо, действуют в крае. Ваши замечательные соотечественники довольно точно указали мне их координаты. Теперь я примерно знаю, где их искать, а также их численность и состав.

– Как же так? – я была неприятно изумлена. – Откуда вы это взяли? Я тоже читала весь этот вздор от начала и до конца, и ничего не поняла!

Он остался невозмутим.

– Вы просто читали, фройляйн. А я думал и анализировал.

У меня упало сердце.

– И что же теперь? Вы их найдете и уничтожите? Эти партизанские отряды?

– А что мне прикажете делать? Ведь именно ваши соотечественники просят меня об этом!

– Не передергивайте! Вы просто пользуетесь их злобой, завистью и другими столь же низменными чувствами для того, чтобы разделаться с вашими врагами!

– Ну и что?

Он безразлично смотрел мне в лицо.

– Не я же изобрел войну, и все эти партизанские игры без правил. В чем, собственно, вы меня обвиняете?

– Ни в чем.

Я постаралась взять себя в руки и казаться такой же спокойной, как он.

– Я могу быть свободна, ваша светлость? Вы, кажется, сказали, что мы закончили?

– Идите.

Он слова склонился над разложенной на столе картой с пометками.

Я вышла в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь.

Через два дня, в свой ближайший выходной, я отправилась напрямиком в казино. К счастью, Таня оказалась на своем месте. Без долгих разговоров я отвела ее в уголок и рассказала все, что мне удалось узнать о партизанских отрядах в лесу. Таня долго смотрела на мое взволнованное лицо, о чем-то сосредоточенно раздумывая.

– Ты знаешь, – наконец сказала она, – я думаю, пришло время тебя кое с кем познакомиться. Ты свободна сегодня вечером? Приходи сюда часам к шести. Не пожалеешь.

Так произошла моя первая встреча с Иваном, рабочим-механиком с ремонтного завода, который возглавлял штаб партизанского движения в Городе. В шесть часов вечера на каком-то чердаке одного из домов на окраине города собралось человек десять, среди них – всего лишь один более или менее взрослый человек, рабочий в серой вытертой куртке и промасленной кепке, от которого пахло смазкой и луком. Говорил он какую-то ерунду, хуже, чем ребенок – об организации взрыва дома коменданта, физическом истреблении немецких офицеров и в том же духе. Под конец мне стало казаться, что меня просто разыгрывают.

Но не тут-то было. Как только рабочий умолк, встала Таня, схватила меня за руку, заставила подняться и громко сказала, что я – наш человек, она за меня ручается, и, самое главное, я служу в доме у военного коменданта города, обергруппенфюрера барона фон Ротенбурга. Все переглянулись, а потом один парень громко сказал:

– Это очень хорошо, товарищ. Вторым в списках приговоренных, после коменданта, стоит барон Ротенбург.

Затем меня с пристрастием допросили: кто я, откуда, как попала в дом барона, желаю ли я помочь всем добрым и честным людям на свете. Памятуя три года в спецдетдоме для врагов народа, я была очень осторожной – моя бабка крепко успела вбить в мою временами очень легкомысленную голову, что всем этим комсомольцам и активистам нельзя говорить правду – в противном случае они воспользуются тобой, а потом вытрут об тебя ноги и выбросят. Я сказала им то же самое, что и барону – зовут меня Лизой Кружковой, мне 20 лет, в дом к барону фон Ротенбургу попала случайно, из барака доходяг за городом.

Упоминание о бараке смертников произвело известное впечатление – по крайней мере, все эти глупые вопросы прекратились. Меня похлопали по плечу, пожали руку, поздравили со вступлением в их братство и дали первое серьезное задание: не спускать с барона глаз, попытаться втереться к нему в доверие и наблюдать за ним денно и ночью, а именно, узнать все о его распорядке дня, о его привычках, выездах, попытаться ознакомиться с содержимым его письменного стола и, по возможности, подслушивать его разговоры с другими офицерами при закрытых дверях.

Словом, домой я вернулась поздно. Дверь мне, к удивлению, открыл сам барон.

– Нагулялась? – он загородил мне дорогу и смотрел в лицо холодными серо-стальными глазами. – Где ты была?

– Это мое личное дело, – пробормотала я, опомнившись от неожиданности.

– Где ты была? – резко повторил барон.

– В казино! – недолго думая, ляпнула я. – У меня там подруга работает.

– Может быть, друг? – сверкнул глазами барон.

Он посторонился, и я мышью шмыгнула мимо. Я недоумевала: неужели он догадался о тайном сборище на крыше?

Наутро следующего дня был выходной, и я разбирала гардероб фрау Ротенбург. Задумавшись о своих друзьях-подпольщиках, я возилась в гардеробной, примыкающей к комнате баронессы, раскладывая вещи и не обращая внимания на окружающую обстановку. Фрау Ротенбург, вероятно, забыла о моем присутствии, потому что вскоре я очнулась от раздумий от звука ее чрезвычайно раздраженного голоса, доносившегося из ее комнаты.

– Тебе не кажется, Гюнтер, что это уже ни в какие ворота не лезет?

Я удивилась. Взглянув в шелку двери, я заметила в комнате фрау Ротенбург высокую фигуру барона. Он стоял спиной ко мне и, слушая мать, смотрел в окно.

– Что ты себе позволяешь? – так же сердито продолжала баронесса. – Да, Элиза вернулась поздно, да, возможно, у нее появился кавалер. Может быть, даже офицер, она очень мила. Но что за отвратительную сцену устроил ты ей вчера вечером? Ты слишком увлекся, мой мальчик! Ты говорил с ней так, словно ты ее муж или любовник!

Барон некоторое время молчал. Наконец, я услышала его усталый голос, с иронией подтвердивший факт:

– Конечно же, вы правы, мама. Это было недопустимо. Мне нет оправдания.

В тоне старой баронессы, с которым она произнесла следующую фразу, звучало тяжелое подозрение:

– Ты, часом, не влюбился в эту малышку, Гюнтер? Вот уж никогда не ожидала от тебя такого! Прямо проклятье какое-то. Вас, фон Ротенбургов, так и тянет к русским барышням.

– Вы слишком увлеклись своими французскими романами, мама, – голос барона был сух, как бумага.

Баронесса хмыкнула.

– Конечно, если сравнивать эту русскую девчушку с Мартой, то она ей и в подметки не годится. Элиза умненькая, воспитанная девочка, по всему видно, из хорошей семьи, и, к тому же, хороша как картинка. Она доброе, милое и сердечное дитя. – Баронесса сделала паузу и добавила: – Если бы она не была русской, я думаю, ты вел бы себя с ней иначе.

– Это, надо полагать, намек? – раздраженно отозвался барон.

– Намек? – баронесса рассмеялась. – Прости, дорогой, но это больше, чем намек. У тебя на лбу большими буквами написано, что она тебе нравится. И как сильно она тебе нравится. Я, конечно, этого не одобряю, но, право, мне очень забавно за тобой наблюдать. Ты ведешь себя с ней не просто недопустимо, но и невыразимо глупо. Зачем ты все время придираешься к девочке? Ты что, не видишь, что она тебя боится? Я, знаешь ли, к старости становлюсь сентиментальной. С этой девочкой к нам в дом словно вошла свежая струя... После того, как меня бросил твой отец, именно благодаря ее компании, я кажется, впервые снова почувствовала себя живой... И я не позволю тебе ее обижать!

После нескольких минут тишины я снова услышала голос барона, в котором звучал скрытый сарказм:

– Обижать Элизу? Мне? Побойтесь бога, мама! Никогда в жизни я видел столь юной особы, которая защищала бы себя в такой агрессивной манере, как ваша Элиза.

– Ты снова несправедлив, Гюнтер! – живо перебила его баронесса. – Элиза очень милая и нежная девочка, хрупкий цветочек...

– С меня довольно! – не выдержал барон. – У вашего нежного, хрупкого цветочка трехметровые шипы, и она прекрасно может себя защитить. Что за бессмысленный разговор, ей богу... Где она, кстати? Отсыпается после вчерашнего или снова пошла гулять?

– Боже мой! – баронесса рассмеялась, – ты будешь ужасным мужем, мой мальчик. Успокойся, вчера был выходной, суббота, если ты забыл об этом...

– Выходной? Я ее не отпускал!

– Перестань злиться, Гюнтер. Что это на тебя нашло?

– Вы сами затеяли этот разговор, мама.

– Потому что я хотела предупредить тебя...

– Предупредить? Слишком поздно!

– Что ты имеешь в виду? Ты что, действительно в нее влюбился?

– Я? Влюбился? – голос барона прямо-таки сочился ядом. – После моего памятного бурного романа в Берлине? Я же сказал вам, что больше никогда не позволю себе такой роскоши! Жениться – женюсь... когда-нибудь... но влюбиться – увольте!

– Тогда объясни мне, недалеко, – баронесса, кажется, тоже была задета за живое. – Как назвать твоё увлечение этой русской девочкой?

– Увлечение? – барон сухо рассмеялся. – Это больше чем увлечение, мама. Эта девушка принадлежит мне.

– Принадлежит тебе? – тихо повторила вслед за ним баронесса. – Объясни мне, что это значит? Если ты зарекся не влюбляться, но не можешь забыть девушку, что тебе остается? Приковать ее цепями? Или, того хуже, жениться?

– Жениться на ней я не могу, – отрубил барон. – Во-первых, мне ни вы, ни моя фамильная честь не позволят. Во-вторых, она русская. И, в-третьих, она меня не любит. Так что придется вашему хрупкому цветочку стать моей любовницей, потому что я, в отличие от нее, как вы справедливо заметили, с ума по ней схожу. Думаю, это моя фамильная честь вынесет.

– Замолчи, немедленно! – с гневом вскричала баронесса. – Мне стыдно это слушать!

– Но вы же хотели ответа, мама. Элиза принадлежит мне. Я ее хочу, и я ее получу. Если я не могу получить ее как жену, то получу как любовницу.

– Ты говоришь как работороговец!

– Вы позволите мне на ней жениться? На русской?

– Моя младшая сестра вышла замуж за русского офицера, – тихо возразила баронесса в ответ. – В женитьбе на русской нет ничего предосудительного. Я полагаю, бывают случаи, когда можно договориться даже со своей фамильной честью.

– Для тебя и для меня, может быть, и нет, – голос барона снова звучал спокойно и отрешенно. – А для этих русских – есть! Их революция и эта проклятая война сделала нас всех бездушными орудиями убийства! Они лишили нас всего человеческого, особенно русских, с их маниакальным стремлением вцепиться в глотку каждому немцу без разбора!

– Ты чем-то расстроен, Гюнтер? – с тревогой спросила фрау Ульрика. – Это ведь что-то совсем иное, правда? Что-то случилось в комендатуре?

Барон отвернулся от созерцания голубого неба и трепетавшей на ветру листвы деревьев, окружавших особняк, и обернулся к матери.

– Это какой-то бред! – наконец, сказал он. В его голосе снова послышалась горечь. – Страна сумасшедших!

– Что случилось, Гюнтер? – мягко повторила фрау Ульрика.

– Анекдот для ребят из рейхканцелярии, – в голосе барона на сей раз прозвучала издевка. – Звучит примерно таким образом. Барон фон Ротенбург выходит из здания немецкой комендатуры в центре завоеванной Украины и на него среди бела дня, откуда ни возьмись, налетает десятилетний пацан с наганом времен первой мировой войны и с бутылкой зажигательной смеси в руках.

Фрау Ульрика охнула.

Даже мне в шкафу у баронессы стало немного не по себе. Бедного глупого пацана, наверное, застрелили на месте, а он не заслуживал этого, как заслуживали это те трусы, которые послали его убить немецкого офицера среди бела дня.

– И он... выстрелил? – с заминкой спросила фрау Ульрика, оправившись от шока.

– Выстрелил, – в голосе барона слышалась насмешка, презрение и, вместе с тем, непонятная горечь. – И не попал. С двух шагов. Поразительно!

Баронесса помолчала какое-то время, за которое, со свойственной мне непоследовательностью, я успела возблагодарить господу за то, что он спас жизнь барону, а затем я вновь услышала ее кроткий голос:

– Почему тогда у тебя забинтована рука? И что с твоим лицом? У тебя кровь и рана на виске? Поверни голову ко мне, Гюнтер, не будь ребенком!

– Попасть-то юный Гаврош не попал, – сказал барон. – Хотя целился прямо в сердце, совершенно грамотно и точно... но не попал. Чего-то испугался. Но бутылку с зажигательной смесью все-таки успел бросить мне под ноги. Хороший солдат, абсолютно хладнокровный.

– Какой ужас! – вскричала баронесса. – Гюнтер, тебе надо показаться врачу!

– Не волнуйтесь, мама, мне уже обработали раны и наложили повязки. Ничего серьезного. К счастью, на этот раз я отделался лишь царапинами.

Он помолчал, а потом со странным выражением добавил:

– Меня просто поразили этот русский паренек. Совсем еще ребенок, мальчишка, но в его глазах была такая ненависть...

– Его поймали? Мальчика? – помедлив, спросила баронесса.

– Он и не пытался бежать, – вздохнул барон. – Стоял и смотрел на меня с таким изумлением, как будто не предполагал, что когда бросаешь в человека бомбу, то идет кровь. А иногда можно и вообще убить. Так, что куски окровавленного мяса взлетят на воздух.... У меня было впечатление, что если бы он меня убил, беднягу бы хватил удар на месте.

– И что случилось дальше? – продолжала осторожно выспрашивать баронесса.

– А что я, по-твоему, должен был делать в таком глупейшем положении? – голосе барона теперь уже слышалось возмущение. – Дал этому невесте что о себе возмнившему сопливному партизану по шее, отобрал наган, и послал к чертям на все четыре стороны. Еще и здорового пинка добавил для скорости, потому что он, видите ли, не поверил, что я его отпускаю. Он предпочел бы гнить в застенках гестапо, у вашего с Элизой друга, очаровательного Эдди Майера. Надеюсь, у него все-таки хватило ума спрятаться, потому что Майер сейчас рыщет по городу в его поисках, как бешеная борзая за зайцем.

Я уселась на ворох платьев баронессы и тупо смотрела в щель полуоткрытой дверцы шкафа. Черт бы побрал этого фашиста! Это вовсе не русские, это он сам был сумасбродный, непредсказуемый в своих вздорных принципах офицерской чести тип!

Весь остаток дня я, как потерянная, бродила по дому. Сам факт, что барон остался жив, немного утешал меня. Но я хорошо понимала, что в любую минуту покушение могло повториться – мои друзья-подпольщики внесли барона в список смертников, и рано или поздно они убьют его, это я знала точно.

Поздно вечером, в очередной раз успокоив расстроенную фрау Ульрику и добившись того, чтобы она приняла лекарство и легла в постель, я потихоньку пробралась к библиотеке, где, по моим сведениям, находился барон. За дверью стояла тишина, хотя я видела полоску света, выбивавшуюся из-под двери. Помедлив, я осторожно повернула ручку двери, заглянула внутрь и сразу же увидела барона. Он сидел в кресле, лицом к двери, уложив раненую руку на колени и откинувшись головой на спинку. Его лицо было спокойно, глаза закрыты, левый висок залеплен пластырем, сквозь который уже просочилось немного крови, но повязки на голове не было, хотя его темно-каштановые волосы все еще были примяты и хранили следы от бинта.

– Зайди, Элиза, – не поворачивая головы, сказал он, отрывая глаза.

Я вошла и прикрыла за собой дверь.

– Подойди к столу и открой верхний ящик, – ровным голосом продолжал он. – Поверх основных бумаг должен лежать твой аусвайс. Возьми его, я совсем забыл сегодня о нем.

Мне вдруг до слез стало жалко бедного барона. Он был бледен и выглядел расстроенным. Забрав из стола свой паспорт, я обернулась к нему и спросила:

– Как вы себя чувствуете, господин барон?

– Вы что же, мне сочувствуете, фройляйн? – с насмешкой спросил он, устремляя на меня свои серо-серебристые глаза.

– Почему вас это удивляет? – огрызнулась я, сразу же переставая его жалеть.

Барон долго молчал. Смотрел немигающим взором на тусклый свет затемненной лампы, а когда некоторое время спустя он снова посмотрел на меня, я увидела в его глазах страх и боль.

– Он совсем мальчика, Элиза, понимаешь, совсем мальчишка, почти ребенок, – медленно заговорил он. – Совсем юный, но в глазах его была такая ненависть.... Словно он ненавидел не какого-то безликого представителя германской армии, а лично меня, меня как человека... совсем мальчишка, ребенок....

Он прикрыл глаза ресницами.

– А что вы ожидали? – тихо, неожиданно для самой себя, сказала я. – Вы пришли в нашу страну войной, насадили своих правителей, убиваете людей, издеваетесь над женщинами и детьми в гестапо. Возможно, именно вы давали приказ об аресте или истреблении его родных! Он вправе ненавидеть вас, лично вас, потому что германская армия – это слишком расплывчато и недостижимо, а вы – вы тут, рядом, вы для него и есть германская армия, насильник и убийца, причина всех его бед, и значит – враг, которого надо истребить!

Черт бы побрал мой проклятый язык! Барон вскинул голову, и я увидела в его светлых, ставших жесткими, глазах неизмеримое удивление. Сейчас он опомнится и отправит меня в комендатуру, с ужасом успела подумать я. Но в ту же секунду услышала его ставший холодным, как зимний ветер, голос:

– Разве коммунисты не убивали людей, когда шли к власти в твоей стране?

Ишь ты, гад, образованный, удивилась я.

– Это совсем другое дело, – бесцветным голосом пояснила я. – Коммунисты были свои, русские.

– Латышские стрелки? Евреи? Грузин Сталин?

Только дискуссий на историческую тему мне не хватало, с тоской подумала я. Не дожидаясь моего ответа, он снова заговорил:

– Я глубоко убежден и располагаю целым арсеналом свидетельств, которые неопровержимо доказывают, что людей на вредительские действия в нашем тылу толкают партизаны. Здоровые, совсем не старые мужчины, которые предпочитают не сражаться в открытых боях в рядах Красной Армии с частями так ненавистного им Рейха, а подбивают на провокации молодых женщин и подростков. Это их руками они хотят выиграть партизанскую войну. Красная Армия просто не способна защищать огромную территорию России, да и, честно говоря, не очень стремится делать это. Ей с трудом удалось отстоять столицу. Правительство трусливо удрало на Волгу. Немцы установили порядок на захваченной территории, стремятся наладить населению нормальную жизнь, дать возможность людям зарабатывать себе на жизнь и спать спокойно в своих домах. Похоже, население завоеванных земель начинает постепенно ценить это, особенно та часть, которая тем или иным образом пострадала от прежнего режима. Никакой особой вражды с этой части населения я не ощущаю. Что же в таких обстоятельствах остается делать коммунистам? Сами они не способны сокрушить установленный порядок извне. Война практически проиграна. И вот тогда они направляют свои усилия на то, чтобы начать открытые военные действия не силами регулярных частей, которых у них нет, а руками женщин и детей. Это уже истребление своего собственного народа, практически перенос основного удара с армии, призванной и обязанной по своей сути вести войну, на плечи слабейшей и уязвимой части своего народа, его будущего генетического потенциала. Причем все это завуалировано плотной паутиной лжи и контрпропаганды, открытого воинствующего фанатизма. Почему вы, русские, терпите это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.